

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ МАНИПУЛЯЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Пунинская А.Э., студ., Михальчук Н.А., к.фил.н., доц.

*Могилёвский государственный университет имени А.А. Кулешова,
г. Могилёв, Республика Беларусь*

Реферат. В статье рассматривается речевая манипуляция в художественном тексте на материале произведений русских писателей XIX–XX в.в. Выявлены наиболее частотные языковые средства реализации манипуляции в произведениях русской литературы.

Ключевые слова: речевая манипуляция, герой-манипулятор, языковые средства.

Язык – важнейшее орудие воздействия на сознание человека. В последнее время большой интерес лингвистов вызывает такой специфический вид воздействия, как речевая манипуляция. Г.А. Копнина под речевой манипуляцией понимает «разновидность манипулятивного воздействия, осуществляемого путем искусного использования определённых ресурсов языка с целью скрытого влияния на когнитивную и поведенческую деятельность адресата» [2, с. 25].

Речевое манипулирование нашло своё отражение в речи персонажей художественной литературы. В структуре художественного произведения речевая манипуляция требует особого рода коммуникативной ситуации, своеобразных художественных задач, стоящих перед автором. Рассматривая языковую личность, осуществляющую манипуляцию, следует акцентировать внимание на выбор персонажем языковых средств для достижения коммуникативной цели. Под языковыми средствами следует понимать единицы языка и речи, посредством которых обеспечивается речевая деятельность. Яркие примеры использования речевой манипуляции можно найти в коммуникации персонажей произведений «Мёртвые души» Н.В. Гоголя, «Задача», «Попрыгунья» А.П. Чехова, «На каждого мудреца довольно простоты», «Бедная невеста» А.Н. Островского, «Семнадцать мгновений весны» Ю.С. Семёнова.

Одним из эффективных средств манипулятивного воздействия выступает интонация. В драматических произведениях А.П. Чехова и А.Н. Островского интонация представлена ремарками к речевым действиям, указывающим на характер произнесения фразы: «шепотом», «громко вскрикивает», «тихо и таинственно»; оттенки эмоций и чувств говорящего: «таинственно», «хладнокровно», «переменив тон», «с жаром»; слова, обращенные к собеседнику прямо и про себя: «про себя» – «громко», «тихо Надежде Антоновне» – «громко», «про себя» – «матери»; особенности протекания вербального воздействия: «сквозь слезы», «вздыхая», «хохочет», «с улыбкой»; «нулевое» речевое действие: «пауза», «молчание». Манипулятивная интонация характеризуется неискренностью, настоящие эмоции подменяются фальшивыми. Например, используя тактику «подстраивания» герой Н.В. Гоголя Чичиков свою речь сопровождал нужной интонацией: «Он всё это умел облекать какую-то степенностью, умел хорошо держать себя. Говорил ни громко, ни тихо, а совершенно так, как следует» [1, с. 18].

Для характеристики себя и собеседника искусный манипулятор часто использует эмоционально-оценочную лексику. Например, в пьесе «На каждого мудреца довольно простоты» А.Н. Островского Егор Глумов представляет себя глупым с целью добиться расположения своего дяди: «по глупости», «ума недостаточно», «большую часть я совсем не понимаю, что делаю» [3]. В романе Ю.С. Семёнова «Семнадцать мгновений весны» манипулятор использует эмоционально-оценочную лексику «вся эта возня» для характеристики последствий звонка; стилистически маркированное выражение с отрицательной оценкой «мы все под колпаком у Мюллера»; известную коммуникантам произошедшую ранее ситуацию интерпретирует как «идиотизм» [4].

В речи героев-манипуляторов особенно широко употребляются лексические повторы. Они выполняют усилительную функцию, представляя собой многократное повторение этикетных формул, прилагательных в превосходной степени, эмоционально-оценочных высказываний. Например, Чичиков: «Не затрудняйтесь, пожалуйста. Пожалуйста, проходите»; «Очень, очень достойный человек»; «Чрезвычайно приятный, и какой умный,

какой начитанный человек!» [1]. Штирлиц: троекратно просит Шелленберга не делать звонок вышестоящему руководству «Не надо... Ни к чему... Не надо»; повтор лексемы «передатчик» в реплике: «Они находят русскую с передатчиком, видимо, работавшую очень активно. Я за этим передатчиком охочусь восемь месяцев, но отчего-то это дело попадает к Рольфу, который столько же понимает в радиоиграх, сколько кошка в алгебре» создает противопоставление «они – я» [4, с. 164].

В манипулятивных контекстах особое внимание привлечено к использованию в речи глаголов, местоимений, частиц, междометий. Использование глаголов: Мамаева, отвечая на просьбу Глумовой позаботиться о сыне, говорит: «Да нельзя!.. Мы этого не допустим, мы, женщины. Мы поднимем на ноги мужей, знакомых, все власти; мы его устроим. Мы ничего не пожалеем, чтобы... Нельзя! Нельзя!» [3, с. 244]. В произведении А.Н. Островского «Бедная невеста» в диалоге Анны Петровны и ее дочери Марьи Андреевны ярко выражено противопоставление местоимений «я – ты», создающих атмосферу отчужденности, разобщения: «Ну, так живи, как знаешь! Мне теперь до тебя и дела нет. Я тебя растила, я тебя воспитывала, хлопочу, ни дня, ни ночи покою себе не имею, а ты меня знать не хочешь! Для тебя мать-то дешевле всякого, прости господи! Я теперь тебе слова не скажу, повесничай с кем хочешь! Ты мать позабыла, ты для матери ничего не хочешь сделать; авось, добрые люди найдутся, не оставят старуху...» [3, с. 321]. В высказываниях нередко встречаются определительные местоимения все, всякий, каждый, любой, служащие средством формирования общих суждений.

Манипулятор использует практически все возможные средства речевой выразительности, что характерно именно для художественного дискурса. Тропы и стилистические фигуры усиливают высказывания и эффект эмоционального и манипулятивного воздействия на адресата. Активно используются эпитеты: «черная душа», «душа нежная, чувствительная», «любящее сердце», «благородные чувства», «человек замечательного ума»; метафоры: «душа не находит ответа», «чувства шевелятся в душе моей», «На терпенье, можно сказать, вырос, терпением вспоен, терпением спеленат, и сам, так сказать, не что другое, как одно терпенье» [1, с. 65].

Часто метафора несет в себе обидный, оскорбительный смысл: «Ах ты, Оподелдок Иванович!»; «Эк ее, дубинноголовая какая!» [1]; используется для обозначения каких-либо черт внешности или психологии человека через название животных, насекомых: «– Экой осел! Ты братец, не сердись... а ведь он осел» [1, с.83]. Герой произведения А.П. Чехова «Задача» серьезным вещам придаёт несерьёзную оценочную окраску: используется метафора «они как дети», чтобы показать, что оппонент не способен к серьёзным действиям, его мысли, рассуждения, действия ничто не значат. Например: «–Иван Маркович! – говорит умоляюще полковник. – Мы говорим серьёзно, о важном деле, а вы – Ломброзо! Умный человек, подумайте: для чего вы всё это говорите? Неужели вы думаете, что все эти погрешности и ваша риторика дадут нам ответ на вопрос?» [5, с. 112].

В манипулятивной функции часто используется антитеза. Например, Чичиков, столкнувшись с непониманием Коробочки, прибегает к тактике развёрнутой аргументации, реализуемой посредством использования антитез: «– Ну видите ль? Так, зато это мёд. Вы собирали его, может быть, около года, с заботами, со старанием, хлопотами; ездили, морили пчёл, кормили их в погребе целую зиму; а мёртвые души дело не от мира сего. Тут вы со своей стороны никакого не прилагали старания, на то была воля Божия, чтоб они оставили мир сей, нанеся ущерб вашему хозяйству. Там вы получили за труд, за старание двенадцать рублей, а тут вы берёте ни за что, даром, да и не двенадцать, а пятнадцать, да и не серебром, а все синими ассигнациями» [1, с. 87].

Значительное место отводится сравнениям, например, в рассказе А.П. Чехова «Попрыгунья»: «Ты просто очарователен! Господа, посмотрите на его лоб! Дымов, повернись в профиль. Господа, посмотрите: лицо бенгальского тигра, а выражение доброе и милое, как у оленя. У, милый!» [5, с. 274]. С помощью глаголов «посмотрите», «повернись», сравнений «лицо бенгальского тигра», «выражение как у оленя» героиня внушает своим гостям определённое оценочное представление о муже. Наблюдается использование просторечного и фамильярного стиля общения: «Приезжие, матушка, пусти переночевать», «Недурно, матушка, хлебнём и фруктовой», «Нет, матушка, другого рода товарец...» [1].

Синтаксические конструкции, как правило, отличаются эмоциональностью и экспрессивностью. Отрицательные предложения (мнимо отрицательная позиция говорящего) способствуют достижению результата воздействия. Высказывания,

начинающиеся со слов «тебе не понять», «вы меня не пожалеете», «вы не знаете жизни, не видали, не испытали ничего», в большинстве случаев провоцируют желание адресата доказать обратное. Использование безличных конструкций «лучше зайти к нему», «быстрее позвонить рейхсфюреру» в речи манипулятора Штирлица смягчает побуждение и интерпретирует сам поступок как объективно лучший [4]. Вводные слова в манипулятивных высказываниях служат отвлекающим средством, создают впечатление убедительности, обоснованности и логической последовательности сообщаемого: «По совести, говорю, то есть как это все по моим чувствам: если я теперича стараюсь для вас и все мои усердия, можно сказать, не жалея пота-крови» [3, с. 192].

Таким образом, герои-манипуляторы в произведениях русской литературы предстают как достаточно развитые языковые личности. Явление языковой манипуляции является сложным процессом, состоящим из приёмов воздействия и использования соответствующих им возможностей языка, выраженных с помощью различных средств: фонетических (ремарки), лексических (просторечная лексика, эмоционально-оценочные высказывания, лексические повторы, уточняющие и косвенные вопросы), морфологических (прилагательные превосходной степени, глаголы в форме повелительного наклонения, личные местоимения единственного и множественного числа, частицы, междометья), синтаксических (разнообразие синтаксических конструкций: неполные предложения, односоставные предложения, сложные предложения; наличие вводных слов и вставных конструкций, однородных и обособленных членов предложения), семасиологических (метафора, эпитет, сравнение, антитеза). В результате анализа речевой коммуникации героев-манипуляторов в произведениях русских писателей можно сделать вывод о частотности и разнообразии языковых средств речевой манипуляции в рассматриваемых текстах.

Список использованных источников

1. Гоголь, Н. В. Мёртвые души: поэма / Н. В. Гоголь. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. – 352 с.
2. Копнина, Г. А. Речевое манипулирование / Г. А. Копнина. – М.: ФЛИНТА, 2012. – 170 с.
3. Островский, А. Н. Сочинения / А. Н. Островский // Мал. собр. соч.: в 4 т. – СПб., 2014. – Т. 3. – С. 119–415.
4. Семёнов, Ю. С. Семнадцать мгновений весны: роман / Ю. С. Семёнов. – СПб.: Азбука, 2018. – 896 с.
5. Чехов, А. П. Сочинения / А. П. Чехов // Полн. собр. соч.: в 12 т. – М., 1982. – Т. 2. – С. 110–365.

УДК 811.161.3'373.46

СТРУКТУРНА-ГРАМАТЫЧНЫЯ ТЫПЫ БЕЛАРУСКІХ МОНАЛЕКСЕМНЫХ ТЭРМІНАЎ ДРАЎНІАЗНАЎСТВА

Русак В.У., к.ф.н., дац.

*Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт,
г. Мінск, Рэспубліка Беларусь*

Рэферат. У рабоце разгледжаны структурна-граматычныя тыпы моналексемных тэрмінаў (тэрмінаў-слоў, аднаслоўных тэрмінаў), зафіксаваных у выданні «Терминологический русско-белорусский словарь по древесиноведению» (укладальнікі Паўль Э. Э. і Міксюк Р. В.; 1995). Прааналізавана часцінамоўная прыналежнасць беларускіх аднаслоўных тэрмінаў драўнізназнаўства. Адзначана, што абсалютная большасць з іх – субстантывы (каля 97 % ад агульнай колькасці моналексемных тэрмінаў), аднак прадстаўлены таксама тэрміны-дзеясловы і тэрміны-прыметнікі. Таксама разгледжаны тыпы моналексемных тэрмінаў паводле граматычнай структуры: невытворныя, простыя вытворныя, складаныя, складанаскарачаныя.

Ключавыя словы: тэрміналогія драўнізназнаўства, тэрміны-словы, невытворныя тэрміны, простыя афіксальныя тэрміны, тэрміны-кампазіты, тэрміны-абрэвіятуры.

Апісанне фармальнай структуры тэрмінаў з'яўляецца традыцыйным кампанентам